

Антрепризе требуется совесть

Московский государственный театр наций (бывший Театр дружбы народов) существует уже 15-й сезон. В 1986 году инициаторами его создания выступили Союз театраловых деятелей СССР и союзное Министерство культуры. А уже в марте 1987 года вышло постановление правительства, официально провозгласившее рождение нового театра. Театр дружбы народов должен был знакомить столичную публику с лучшими отечественными и зарубежными спектаклями. То есть стать своеобразной "выставкой достижений театрального хозяйства". "Выставке" поначалу выделили помещения МХАТа на Тверском бульваре. Предполагалось, что часть Художественного театра, возглавляемая Татьяной Дорониной, переедет в здание мхатовского филиала на улице Москвина. Реконструкция филиала затянулась. Тогда решили произвести "квартирный обмен" и закрепить лежащее в руинах здание на улице Москвина за Театром дружбы народов. Реконструкция, кстати, тем идет до сих пор — одновременно с привычной театральной работой.

В августе 1987 года директором Театра дружбы народов был назначен Михаил ЧИГИРЬ, пребывавший в то время в должности начальника контрольно-ревизионного управления Министерства культуры СССР. Кстати, кандидатура директора обсуждалась долго и страстно — СТД категорически не устроивала на этом посту фигура чиновника. Но по поводу Чигиря разногласий не возникло. До сегодняшнего дня Михаил Михайлович — бессменный директор Театра наций. И готов вести вверенное ему детище по принципиально новому курсу.

— Михаил Михайлович, прежде чем перейти к новому курсу, поделитесь своими размышлениями о старом. Что представляла собой "выставка достижений театрального хозяйства"?

— Мы долгое время существовали в качестве своеобразной прокатной площадки. Были неким подобием Гос-или Москонцерта, но по театральным проектам. Организовывали фестивали. Привозили

спектакли, порой более, порой менее интересные. Но старались планку не опускать. Среди наших удачных проектов — гастроли по Союзу "Вишневого сада" Питера Брука, показ спектаклей Патриса Шеро, Питера Шумана. Это были весьма сложные в организационном плане мероприятия. Но мы успешно справлялись и заработали авторитет во многих странах в качестве прокатчиков.

— Приходилось ли вам вывозить российские спектакли за рубеж?

— Конечно. Одним из первых опытов выезда российских театров на Авиноньонский фестиваль был осуществлен с нашей помощью. Мы вывозили пермский, новгородский, льеувенский и многие другие театры.

— Громкие столичные спектакли входят в круг ваших интересов?

— Мы в большей степени занимаемся провинцией. Московские театры нам в этом смысле мало интересны. Они самодостаточны. Нам же интересно, например, устроить в Москве фестивали театров малых городов России. Даже когда Театру наций не дают на это денег, мы все равно проводим подобные акции за счет собственных средств, влезая в долги. И ведь такие замечательные театры приезжают, настоящие подвизники. Для них играть в Москве, быть может, впервые за всю историю существования коллектива — событие. Кому еще помогать, как не им?

— Как финансируется Театр наций?

— Министерство культуры нам выделяет определенные средства на творческую деятельность. На мой взгляд, конечно, недостаточные. Но зато мы сами решаем, как их использовать: какие спектакли привезти, какой фестиваль организовать. Помимо этого, мы выходим в министерство с инициативами, то есть стремимся получить государственный заказ на проведение какой-либо мероприятия.

— Когда намечались первые попытки не только прокатной, но и собственно творческой деятельности Театра наций?

— Уже в первые годы существования театра мы пытались ставить собственные спектакли. Причем в кооперации с американцами, фран-

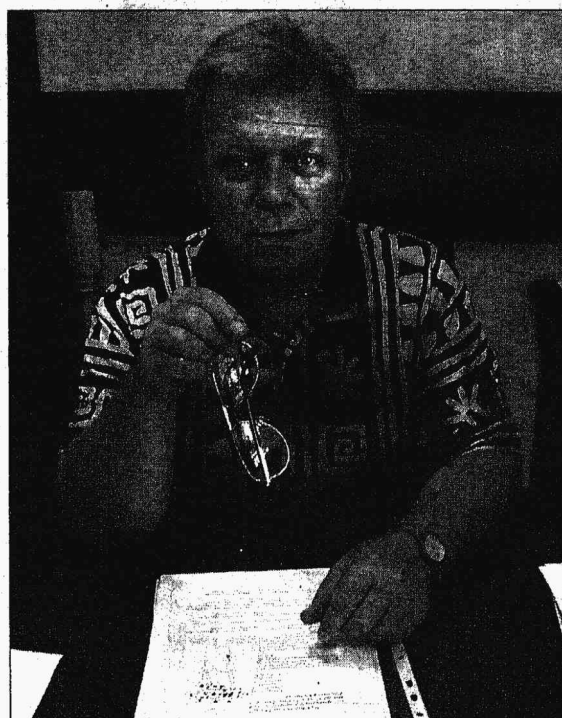

ФОТО ЛЯХОВСКОЙ

М. Чигирь

цузами. Например, сделали спектакль по пьесе Юрия Мамлина "В двух шагах от конца света" с американскими актерами, играли на английском языке, ездили на гастроли. Существовала постановка Олега Кудряшова "Полин, Полин" с французскими актрисами. Мы делали декорации для американского спектакля "Прогулки по парку". То есть уже тогда у нас были некие антрепризные устремления.

— И все-таки вы говорите о том, что настало время кардинально изменить сущность Театра наций. Что привело вас к подобному решению?

— В начале этого года, попав на заседание коллегии Министерства культуры, где обсуждалось усовершенствование управления культурой, я увидел, что Театр наций в различных документах отнесен не к разделу театров, а к организа-

циям, обслуживающим культуру. То есть к нам по-прежнему относятся лишь как к прокатной конторе. Вот тут-то я и насторожился. Понял, что театр теряет свое лицо. А вернее, он его еще не приобрел. И то, что мы вынуждены работать на чужих площадках, авторитета нам не добавляет. Никто ведь не вспоминает, что он смотрел спектакль, привезенный Театром наций. Реконструкции же нашего здания пока конца не видно. Я понял, что мы либо умрем в этой тине, либо при "усовершенствовании структуры" нас с кем-нибудь сольют. Значит, нужно заявить о себе, как о настоящем театре.

— И тогда возникла нахмурившая в дни олимпиады "Чайка" в постановке Андрия Жолдака?

— С идеей постановки ко мне обратился Павел Каплевич и назвал фамилию Жолдака, будучи уверен-

ным, что мне она ничего не скажет. Но я-то считал Андрия своим "крестным сыном". Его первый, еще дипломный спектакль, поставленный в севастопольском театре, когда-то участвовал в фестивале "Херсонесские игры", который мы организовывали. Спектакль нам понравился, мы вывели его в Москву. Жолдак уже после этого стал на Украине достаточно известен. Потом я несколько раз ездил в Киев смотреть его постановки и понял, что он продолжает интересно работать. В результате Театр наций взялся за постановку "Чайки".

Было очень трудно. Но я собрал коллектив и сказал: или мы умиралем, или напряжемся и все сделаем. Мы сделали, причем у Министерства культуры не попросили ни копейки — все из своих средств, до сих пор с долгами не рассчитались. Слава богу, нашлись спонсоры. Каплевич работал бесплатно. Звездный актерский состав не требовал баснословных гонораров. Хотя репетировали по 10 часов в день — среди битых кирпичей, при температуре восемь градусов. Артистам театр организовывал бесплатное питание, в перерывах они ходили строем в соседний ресторан на комплексные обеды. Никто не покинул поле боя. Более того, все участники этой постановки стали командой. Перед каждым спектаклем они, как футболисты, собираются в кружок, что-то шепчут, жмут друг другу руки и выходят на сцену. Они мне все как родные. Правда, я шучу: вот почему я их так люблю? Потому что они не в штате театра.

— Собственный труппой не планируете обзавестись?

— Совершенно точно, что у нас не будет труппы и штатных режиссеров.

— Но будут самостоятельные проекты?

— И они уже есть. Через несколько дней после выпуска "Чайки" состоялась премьера "Пляски смерти" Августа Стриндберга в постановке Виктора Голыченко и с участием Елены Козельской, Виктора Авилова и Михаила Янушкевича. Это две совершенно разноплановые постановки — авангард и традиционная психологическая драма. Театр наций стремится к соединению разных жанров и видов сценического искусства. Мы сделали оперный спектакль. Сейчас работаем над

кукольным проектом Марты Цифринович, вернее назвать это спектаклем-инсталляцией. Жолдак предлагает поставить "Идиота" Достоевского, причем одновременно снять фильм. На осуществление этого проекта мы будем просить помощи, потому что сами можем не потянуть. Но надо подчеркнуть, Театр наций не собирается превращаться в репертурный. Мы хотим стать государственным антрепризным театром, возглавить антрепризное движение. На сегодняшний день нет переходного звена между антрепризными объединениями и Министерством культуры, которое тоже должно думать о судьбах этого движения. Вот мы и хотим стать организующим звеном между государственным направлением культуры и антрепризой.

— В каком состоянии, на ваш взгляд, находится нынешняя антреприза?

— Это движение очень разрозненное. Каждая антреприза существует сама по себе. Качество спектаклей, ничего не волнует. В антрепризных кругах процветает воровство, причем целых спектаклей, предательство, все что угодно. Авторитет в театральной среде крайне низок. Даже на звезд публике уже не идет, зная, что ей покажут тухлый товар. Надо, чтобы антрепризное движение обрело совесть.

— Будет ли Театр наций использовать свое помещение в качестве "свободной площадки" для антрепризных проектов?

— Конечно. Но мы станем тщательно отсматривать спектакли, абы кого к себе не пустил. К антрепризному движению нужно относиться более серьезно. Вот сейчас передо мной лежит документ на получение президентского гранта в области культуры и искусства. Я хочу получить этот грант на проведение научно-практической конференции "Коршевские чтения", приуроченной к 150-летию со дня рождения Ф.А. Корша и к 120-летию его театра, в помещении которого мы сегодня работаем. Конференция будет называться "Театр XXI века между стационаром и антрепризой". Вот там мы все эти вопросы и обсудим.

Беседу вел
Ирина АЛПАТОВА